

Кончусь, останусь жив ли, —
чем зарастет провал?
В Игоревом Путивле
выгорела трава.

Школьные коридоры —
тихие, не звенят...
Красные помидоры
кушайте без меня.

Как я дожил до прозы
с горькою головой?

Вечером на допросы
водит меня конвой.

Лестницы, коридоры,
хитрые письма...
Красные помидоры
кушайте без меня.

1946

МАХОРКА

Меняю хлеб на горькую затяжку,
родимый дым приснился и запах.
И жить легко, и пропадать нетяжко
с курящейся сигаркою в зубах.

Я знал давно, задумчивый и зоркий,
что неспроста, простужен и сердит,
и в корешках, и в листиках махорки
мохнатый дьявол жметесь и сидит.

А здесь, среди чахоточного быта,
где холод лют, а хижины мокры,
все искушенья жизни позабытой
для нас остались в пригоршне махры.

Горсть табаку, газетная полоска —
какое счастье проще и полней?
И вдруг во рту погаснет папироска,
и заскучает воля обо мне.

Один из тех, что «ну давай покурим»,
сболтнет, печаль надеждой осквернив,
что у ворот задумавшихся тюрем
нам остаются рады и верны.

А мне и так не жалко и не горько.
Я не хочу нечаянных порук.
Дымись дотла, душа моя махорка,
мой дорогой и ядовитый друг.

1946

* * *

Меня одолевает острое
и давящее чувство осени.
Живу на даче, как на острове,
и все друзья меня забросили.

Ни с кем не пью, не философствую,
забыл и знать, как сердце влюбчиво.
Долбаю землю пересохшую
да перечитываю Тютчева.

В слепую глубь ломлюсь напористей
и не тужу о вдохновении,
а по утрам трясусь на поезде
служить в трамвайном управлении.

В обед слоняюсь по базарам,
где жмот зовет меня папашей,
и весь мой мир засыпан жаром
и золотом листвы опавшей...

Не вижу снов, не слышу зова,
и будням я не вождь, а данник.
Как на себя, гляжу на дальних,
а на себя — как на чужого.

С меня, как с гаврика на следствии,
слетает позы позолота.
Никто — ни завтра, ни впоследствии
не постучит в мои ворота.

Я — просто я. А был, наверное,
как все, придуман ненароком.
Всё тише, всё обыкновеннее
я разговариваю с Богом.

1965

* * *

Тебе, моя Русь, не Богу, не зверю —
молиться молюсь, а верить — не верю.

Я сын твой, я сон твоего бездорожья,
я сызмала Разину струги смолил.
Россия русалочья, Русь скоморошья,
почто не добра еси к чадам своим?

От плахи до плахи по бунтам, по гульбам
задор пропивала, порядок кляла, —
и кто из достойных тобой не погублен,
о гулкие кручи ломая крыла.

Нет меры жестокости ни бескорыстью,
и зря о твоём же добре лепетал
дождем и ветвями, губами и кистью
влюблённо и злыдно еврей Левитан.

Скучая трудом, лютовала во блюде,
шептала арапу: кровцой полечи.
Уж как тебя славили добрые люди —
бахвалы, опричники и палачи.

А я тебя славить не буду вовеки,
под горло подступит — и то не смогу.
Мне кровь заливает морозные веки.
Я Пушкина вижу на жжёном снегу.

Наточен топор, и наставлена плаха.
Не мой ли, не мой ли приходит черёд?
Но нет во мне грусти и нет во мне страха.
Прими, моя Русь, от сыновних щедрот.

Я вмёрз в твою шкуру дыханьем и сердцем,
и мне в этой жизни не будет защит,
и я не уйду в заграницы, как Герцен,
судьба Аввакумова в лоб мой стучит.

1969

* * *

С Украиной в крови я живу на земле Украины,
и, хоть русским зовусь,
потому что по-русски пишу,
на лугах доброты, что её тополями хранимы,
место есть моему шалашу.

Что мне север с тайгой,
что мне юг с наготою нагорий?
Помолюсь облакам,
чтобы дождик прошёл полосой.
Одуванчик мне брат, а ещё молочай и цикорий,
сердце радо ромашке простой.

На исходе тропы,
в чернокнижье болот проторенной,
древокрылое диво увидеть очам довелось:
Богом по лугу плыл,
окрылённый могучей короной,
впопыхах не осознанный лось.

А когда, утомлённый, просил:
приласкай и порадуй,
обнимала зарей, и к ногам простирала пруды,
и ложилась травой,
и дарила блаженной прохладой
от источника Сквороды.

Вся б история наша
сложилась мудрей и бескровней,
если б город престольный,
лучась красотой и добром,
не на севере хмуром возвел золоченые кровли,
а над вольным и щедрым Днепром.

О, земля Кобзаря, я в закате твоём, как в оправе,
с тополиных страниц
на степную полянь обронён.
Пойте всю мою ночь, пойте весело, пойте о славе,
соловьи запорожских времён.

1973

* * *

Ночью черниговской с гор араратских,
шёрсткой ушей доставая до неба,
чад упасая от милостынь братских,
скачут лошадки Бориса и Глеба.

Плачет Господь с высоты осиянной.
Церкви горят золочёной извёсткой.
Меч наострил Святополк Окаянный.
Дышат убивцы за каждой берёзкой.

Еле касаясь камней Синая,
тёмного бора, воздушного хлеба,
беглою рысью кормильцев спасая,
скачут лошадки Бориса и Глеба.

Путают путь им лукавые черти.
Даль просыпается в россыпях солнца.
Бог не повинен ни в жизни, ни в смерти.
Мук не приявший вовек не спасётся.

Киев поникнет, расплещется Волга,
глянет Царьград обречённо и слепо,
– как от кровавых очей Святополка
скачут лошадки Бориса и Глеба.

Смертьгнька ждёт их на выжженных пожнях,
нет им пристанища, будет им плохо,
коль не спасёт их бездомный художник,
бражник и плужник по имени Лёха.

Пусть же вершится весёлое чудо,
служится красками звонкая треба,
в райские кущи от здешнего худа
скачут лошадки Бориса и Глеба.

Бог-Вседержитель с лазоревой тверди
ласково стелет под ноженьки путь им.
Бог не повинен ни в жизни, ни в смерти.
Чад убиенных волшбою разбудим.

Ныне и присно по кручам Синая,
по полю русскому в русское небо,
ни колоска под собой не сминая,
скачут лошадки Бориса и Глеба.

СТИХИ О РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

1

Ни с врагом, ни с другом не лукавлю.
Давний путь мой тёмен и грозов.
Я прошёл по дереву и камню
повидавших виды городов.

Я дышал историей России.
Все листы в крови – куда ни глянь!
Грозный царь на кровли городские
простирает бешеную длань.

Клича смерть, опричники несутся.
Ветер крутит пыль и мечет прах.
Робкий свет пророков и безумцев
тихо каплет с виселиц и плах...

Но когда закручивался узел
и когда запенивался шквал,
Александр Сергеевич не трусил,
Николай Васильевич не лгал.

Меря жизнь гармонией небесной,
отрешась от лживой правоты,
не тужили бражники над бездной,
что не в срок их годы прожиты.

Не для славы жили, не для риска,
вольной правдой души утоля.
Тяжело Словесности Российской.
Хороши её Учителя.

2

Пушкин, Лермонтов, Гоголь – благое начало,
соловьиная проза, пророческий стих.
Смотрит бедная Русь в золотые зеркала.
О, как ширится гул колокольный от них!

И основой святынь, и пределом заклатью
как возвышенно светит, как вольно звенит
торжествующий над Бонапартовой ратью
Возрождения русского мирный зенит.

Здесь любое слово небывало значимо
и, как в тайне, безмерны, как в детстве, чисты
осенённые светом тройного зачина
наши веси и грады, кусты и кресты.

Там, за ними тремя, как за дымкой Пролога,
ветер, мука и даль со враждой и тоской,
Русской Музы полёт от Кольцова до Блока,
и ночной Достоевский, и всхожий Толстой.

Как вода по весне, разливается Повесть
и уносит пожитки, и славу, и хлам
Безоглядная речь. Неподкупная совесть.
Мой таинственный Кремль.

Наш единственный храм.

О, какая пора б для души ни настала
и какая б судьба ни взошла на порог,
в мирозданье, где было такое начало –
Пушкин, Лермонтов, Гоголь,

– там выживет Бог.

1977

* * *

Между печалью и ничем
мы выбрали печаль.
И спросит кто-нибудь: «Зачем?»,
а кто-то скажет: «Жаль».

И то ли чернь, а то ли знать,
смеясь, махнёт рукой.
А нам не время объяснять
и думать про покой.

Нас в мире горсть на сотни лет,
на тысячу земель,
и в нас не меркнет горний свет,
не сякнет Божий хмель.

Нам – как дышать, – приняв печать
гонений и разлук, –
огнём на искру отвечать
и музыкой – на звук.

И обречённостью кресту,
и горечью питья
мы искупаем суету
и грубость бытия.

Мы оставляем души здесь,
чтоб некогда Господь
простил нам творческую спесь
и ропщущую плоть.

И нам идти, идти, идти,
пока стучат сердца,
и знать, что нету у пути
ни меры, ни конца.

Когда к нам ангелы прильнут,
лаская тишиной,
мы лишь на несколько минут
забудемся душой.

И снова – за листы поэм,
за кисти, за роаль, –

между печалью и ничем
избравшие печаль.

1977

ОДА ВОРОБЬЮ

Пока меня не сбили с толку,
презревши внешность, хвор и пьян,
питаю нежность к воробьям
за утреннюю свиристёлку.
Здоров, приятель! Чик-чирик!
Мне так приятен птичий лик.

Я сам, подобно воробью,
в зиме немилой охолонув,
зерно мечты клюю с балконов,
с прогретых кровель волю пью
и бьюсь на крылышках об воздух
во славу братиков безгнёздых.

Стыжусь восторгов субъективных
от лебедей, от голубей.
Мне мил пройдоха воробей,
пророков юркий собутыльник,
посадкам враг, палаткам друг, –
и прыгает на лапках двух.

Где холод бел, где лагерь был,
где застыт крыльями засовы
орлы-стервятники да совы,
разобранные на гербы, –
а он и там себе с морозца
попрыгивает да смеётся.

Шуми под окнами, зануда,
зови прохожих на концерт!..
А между тем не так он сер,
как это кажется кому-то,
когда из лужицы хлебнув,
к заре закидывает клюв.

На нём увидит, кто не слеп,
наряд изысканных расцветок.
Он солнце склёвывает с веток,
с отшельниками делит хлеб
и, оставаясь шельма шельмой,
дарит нас радостью душевной.

А мы бродяги, мы пираты, –
и в нас воробышек шалит,
но служба души тяжелит,
и плохо то, что не пернаты.
Тоска жива, о, воробьи,
кто скажет вам слова любви?

Кто сложит оду воробьям,
галдящим под любым окошком,
безродным псам, бездомным кошкам,
ромашкам пустырей и ям?
Поэты вымерли, как туры, –
и больше нет литературы.

1977